

Гость, дьяк, металлостроитель Кузьма Семёнович Борин и его потомки: к вопросу об устойчивости промышленных династий в России петровского времени

Наталья Козлова

В современной историографии не ослабевает внимание к разработке истории привилегированных корпораций гостей и гостиной сотни. Основу для подобных исследований, ведущихся по разным направлениям, составляют труды Н.Б. Голиковой, в которых определены численность, именной состав, источники пополнения, особенности развития, правовой статус и служебные обязанности гостей и купцов гостиной сотни за всё время их существования¹. Созданный Голиковой масштабный социальный портрет купеческой элиты России конца XVI – первой четверти XVIII в. сориентировал современных учёных на поиск новых средств и возможностей придания ему дополнительных красок с использованием методов исторической биографии. Это достигается за счёт расширения круга известий о биографии и чертах личности отдельных представителей привилегированной верхушки купечества. Изучаются их служебная карьера и связи в правящей придворной среде², торгово-предпринимательская деятельность и возникавшие в ходе неё деловые контакты³. Имеется также немало исследований, в том числе справочного характера, посвящённых изучению бюрократизации государственного аппарата и, в частности, вопросам происхождения, статуса и облика верхнего слоя приказных служителей – дьячества, одним из каналов пополнения которого были выходцы из гостей⁴.

В ряду факторов, влиявших на продолжительность и устойчивость купеческих родов, обычно в первую очередь обращается внимание на социально-экономические условия предпринимательской деятельности в России: поли-

© 2014 г. Н.В. Козлова

¹ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998; *она же*. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI – первой четверти XVIII в. Из научного наследия. М.; СПб., 2012.

² Седов П.В. Хождение во власть гостя Аверкия Кириллова // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб., 2001. С. 90–95; Павлов А.П. Гость и дьяк Михаил Смывалов: штрихи к биографии // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009). Курск, 2009. С. 23–128.

³ Черкасова М.С. Новые данные о деятельности вологодского гостя Г.М. Фетиева // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. ... С. 95–102.

⁴ Богдашевский С.К. Приказные судьи XVII в. М., 1946; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1972; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987; *она же*. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М., 2011; Шахова А.Д. Дьяки московских приказов второй половины XVII – начала XVIII века как городские жители. Дом дьяка И.К. Алферьева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей. М., 2004. С. 358–376; и др.

тику правительства, возможности накопления личных капиталов, характер и условия их функционирования, области вложения, социальный статус. В то же время отмечается, что немалое значение для стабильности купеческих родов имели личные способности, брачные связи и состав семей тех, кто закладывал основы фамильного «дела», а также их потомков и наследников⁵. Индивидуальные судьбы неповторимы, а потому обращение к их изучению позволяет представить общую картину социальной жизни общества во всём её многообразии.

В истории отечественной промышленности есть фамилии, с которыми в первую очередь ассоциируется становление и развитие целых отраслей. Самая известная и громкая среди них, оставшаяся на слуху на протяжении столетий, – фамилия Демидовых. Знаменитый род российских металлургов, вплоть до 1917 г. сохранявший в своих руках созданную ещё в петровское время горнозаводскую империю, несомненно, являет собой исключительный пример устойчивости и преемственности промышленной династии. Её истоки восходят к Тульской Оружейной слободе, ставшей родиной не одной промышленной фамилии. Выдвижение тулян-предпринимателей в первые ряды крупных металлургов объяснялось комплексом как объективных, так и субъективных факторов. Отослав читателей к соответствующей литературе⁶, хотелось бы сосредоточиться на примере другого характера. Он демонстрирует иной путь организации крупного промышленного производства в результате умелого соединения купеческих капиталов с положением и связями, приобретаемыми в результате государственной службы. В предлагаемой статье на основе делопроизводственных документов из фондов Берг-коллегии (№ 271) и Оружейной палаты (№ 396) РГАДА, а также опубликованных, но прежде не использовавшихся купчих и подрядных записей я попытаюсь осветить до сих пор малоизвестную историю металлургического завода, основанного купцом гостиной сотни Никитой Григорьевичем Аристовым и дьяком Кузьмой Семёновичем Бороным в начале 1690-х гг. В записных книгах фонда Московской крепостной конторы РГАДА (№ 282) за разные годы первых двух десятилетий XVIII в. удалось также выявить несколько записей духовных и различного рода рядных, относящихся к членам их семей. Эти документы содержат сведения о семейной жизни и брачных связях потомков купцов-металлургов, а следовательно, позволяют судить о том, какую роль в становлении династии промышленников играл субъективный фактор.

По сведениям, приводимым Н.Б. Голиковой, К.С. Борин, как и его отец, дед и другие родственники, был коренным москвичом и до пожалования в привилегированную корпорацию гостей (это произошло во второй половине 1670-х гг.) состоял в суконной сотне. Его дед Остафий, нередко в источниках называемый прозвищем «Пятый», упоминался как член суконной сотни ещё в 1613 г., а отец Семён и дядя Кузьма (сыновья Остафья) впервые внесены в списки суконной сотни в 1647 г. при сборе денег за даточных людей⁷. Семён и Кузьма были заметными фигурами не только в сфере торговли, но и активными участниками в делах корпорации. Их подписи встречаются в коллективной челобитной купцов против англичан (1653 г.), а также в Новоторговом уставе 1667 г.

⁵ Аксёнов А.К. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988. С. 75–84, 124–138.

⁶ Обстоятельное объяснение «тульского феномена» см.: Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула. 1998.

⁷ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. С. 155.

Дворы братьев Бориных находились поблизости друг от друга, за Яузскими воротами «по леву сторону, идучи к Спасу на Ново», т.е. на территории, лежащей от Яузских до Покровских ворот. Этот район в основном населяли тяглецы Семёновской и расположенной рядом Воронцовской слободы, подьячие разных московских приказов, а также торговые люди суконной и в меньшей степени гостинои сотни. Так, ближайшими соседями К. Борина в конце 1660-х – начале 1670-х гг. были состоявшие в суконной сотне Г. Овсянников, Ф. Мяслицын и записанный в гостиновую сотню Д. Коковин⁸.

По разновременным данным С. Борину в разных местах Москвы принадлежали лавки: одна располагалась недалеко от дома, а другая на Покровской улице, «идучи из города к Покровским воротам, на левой стороне, что в Котельниках». В Китай-городе С. Борину вместе с сыновьями Кузьмой и Иваном принадлежал погреб, в котором «торгуют красными заморскими питьи», а в приходе церкви Кира и Иоанна имелась харчевня⁹. По наблюдению Н.Б. Голиковой, удачно выполненные поручения казны, в частности по реализации казённых мехов и приобретению селитры для Пушкарского приказа, сделали старшего из двух сыновей С. Борина, Кузьму Семёновича, известным в административных кругах и открыли ему путь в гости, а в конце 1670-х гг. и в приказную среду. Минуя подьяческое звание, в сентябре 1678 г. он сразу получил назначение в дьяки Казённого приказа¹⁰. В это время приказной аппарат испытывал недостаток в людях со специальными, главным образом торгово-финансовыми навыками, а потому пополнение дьячества выходцами из гостей для службы в финансовых приказах было не таким уж редким явлением. В дьячей среде, помимо К.С. Борина, оказались гости Н. Чистов, А. Кириллов, Г. и Д. Панкратьевы, Е.И. Иванов, И.Л. Герасимов, А. Чистов и некоторые другие¹¹. Позднее К.С. Борин служил в находившихся под общим руководством финансовых приказов, ведавших различными пошлинными и податными сборами: в Приказе Большой казны, который управлял также корпорациями гостей, гостинои и суконной сотнями, в Приказе Большого прихода, в Новой четверти, в Серебряной палате. В 1700 г. он вместе с окольным А.Т. Лихачёвым получил назначение в Приказ рудокопных дел, которому следовало организовать разведку и добычу золотых, серебряных и медных руд на территории Европейской России. Новый приказ был непосредственно связан с деятельностью Приказа Большой казны, в ведении которого находились казённые мануфактуры и четыре денежных двора: «И сидеть им в Приказе Большие казны особо и писать Приказом рудокопных дел»¹².

Трудно определить, в какой мере и каким образом служебная карьера К.С. Борина имела отношение к тому факту, что в начале 1690-х гг. он и гостинои сотни торговый человек Н.Г. Аристов построили металлургический завод. Он включал доменное и молотовое производства и располагался на государевых дворцовых землях в Романовском уезде на р. Белый Колодец, притоке р. Воронеж. Для организации крупного промышленного предприятия требо-

⁸ Переписные книги города Москвы 1665–1676 гг. М., 1886. С. 62.

⁹ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. С. 156. См. также: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Собранные и изданные Иваном Забелиным. Ч. 2. М., 1891. Стб. 1188, 1202.

¹⁰ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700)... С. 82.

¹¹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. ... С. 78–79.

¹² Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 63.

вались значительные средства. По справке в Берг-коллегии, составленной в 1721 г. в связи со взятием заводов в казну, сказано: «А строили те заводы оныя дьяк и Аристов на свои деньги».

Источники их накопления, видимо, были обычными для купеческой среды: торговля, казённые подряды и откупа, поставки импортных товаров. О разветвлённой торговой деятельности Бороных свидетельствуют не только принадлежавшие им торговые заведения, расположенные в разных районах Москвы, но и деловые контакты с иностранными купцами. Так, в 1677 г. К. Борин челобитной просил государя отпустить в шведский город Ругодив брата Ивана для взыскания с английского купца А. Гойла долга в размере 1 755 руб. Разрешение, возможно, было получено не сразу, так как только в 1684 г. И.С. Борину удалось в зачёт долговых денег доставить в Москву через Новгород взятое им за рубежом на англичанине Гойле «питьё»¹³. Именно через брата Ивана и сына Матвея, в 1680-х гг. записанных в гостиную сотню¹⁴, К. Борин в основном и осуществлял свои торговые операции.

Дьяческая служба в финансовых приказах обогащения не сулила. Об этом писал сам К. Борин в октябре 1684 г. в челобитной в связи с пожаром, случившемся в Москве за два месяца до этого. Тогда его двор в Кадашевской слободе – «деревянное строение, и посуда, и запас» – сгорел весь «без остатку». В челобитной на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей Борин подчёркивал, что «в Казённом приказе, кроме... государского жалованья, иным питатца нечем». А потому он просил «для пожарного... разорения» наградить его по примеру дьяка того же приказа Фёдора Максимова, погоревшего в 1679 г. По справке из Приказа Большой казны Фёдор Максимов получил деньгами 50 руб. и из дворцовых житниц и дворов ржи и овса по 25 четей, солода 5 четей, по полторы белуги и осетра, 25 пучков визиги, полпуда икры паюсной, гречневой и овсяной крупы по осмине, две чети с осьминою муки пшеничной. То же было велено выдать и К. Борину. Ссылка на пример Ф. Максимова для Борина оказалась неудачной, так как его оклад был больше и составлял 80 руб. В новой челобитной дьяк пытался исправить сделанную оплошность, ссылаясь, что «иным-де его братье дьяком для пожарного разорения дано деньгами по окладом их и больше», и, отказываясь от дворцовых хлебных и рыбных припасов, просил выдать ему денежную компенсацию в размере оклада. Однако принятое уже решение менять не стали¹⁵. Кузьма Семёнович не только отстроил заново свой двор, но и поставил на нём, правда, возможно, позднее, каменные палаты.

По данным Боярских списков 1684–1687 гг., дьяк Кузьма Борин имел 5 крестьянских дворов, а назначенный ему поместный оклад составлял 700 четей. Как установила Н.Ф. Демидова, на протяжении всего XVII в. это был обычный новичный оклад дьячества, происходившего из городского дворянства или прежде служившего в жильцах, а начиная с конца 1670-х гг. и для бывших подьячих, дослужившихся до дьяческого звания. Причём на фоне роста к концу столетия размеров поместных окладов дьяков происходило сокращение их фактического землевладения (почти в четыре раза) и увеличение численности дьяков безземельных. И хотя в их составе наличествовал слой крупных

¹³ Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: Сборник документов. Т. 1. М., 2004. № 66. С. 288.

¹⁴ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. С. 156.

¹⁵ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 21723, л. 1–16.

земельных собственников, в целом поместное обеспечение службы приказных дьяков в это время играло всё меньшую роль¹⁶. Точный размер землевладения К.С. Борина неизвестен, но малочисленность имевшихся у него крестьянских дворов позволяет отнести его к числу мелкопоместных дьяков. В дополнение к поместной земле в 1688 г. он купил крохотную в шесть четвертей вотчину в Зубцовском уезде¹⁷, вероятно, по примеру гостей намереваясь использовать её в промысловых целях.

Принадлежность к корпорациям гостей и гостиной сотни, а также служба в приказном аппарате открывали новые возможности по реализации деловых и личных связей с царской администрацией и в торговом мире в интересах собственной хозяйственной деятельности. На эту сторону службы привилегированного купечества России обратила внимание Н.Б. Голикова¹⁸. Не известно, что именно подвинуло К.С. Борина и Н.Г. Аристова к строительству завода. Высказывалось предположение, что инициатива могла исходить непосредственно от Петра I¹⁹. Это кажется маловероятным, поскольку в годы, когда был основан завод, юный государь ещё занимался потешными войсками, а в 1693 г., «заболев» морем, первый раз отправился в Архангельск, где была основана верфь для строительства кораблей. Более того, документы Берг-коллегии указывают на Никиту Аристова как на инициатора строительства железодельного завода на р. Белый Колодец. Об этом становится известно из справки от 16 декабря 1720 г., представленной Канцелярией липецких заводов в Адмиралтейств-коллегию в связи с запросом, поступившим ей от Берг- и Мануфактур-коллегии. Промышленное ведомство интересовалось, «для чего из Адмиралтейства были отписаны» железные заводы дьяка Я. Борина и купца гостиной сотни Н. Аристова и «какая оценка тем заводам из Адмиралтейства была ль»²⁰. Запросив сведения из Канцелярии липецких заводов, Адмиралтейств-коллегия выяснила, что 7 февраля 1690 г. («во 198 м году») воеводе г. Романова стольнику Н. Чевкину из Приказа Большого дворца был послан указ великих государей, которым велено купцу гостиной сотни Н. Аристову «по челобитью его» построить в Романовском уезде на мельницах, что даны ему из Приказа Большого дворца, «или где пристойно... к железным заводам плотины и домны вновь и руду копать, где приищет пристойные ж места. И оное делать ему, Никите, своими мастеровыми и работными людьми. А как он, Никита, те заводы построит, и ему теми заводами за строение владеть безоборочно пять лет. А после тех пяти лет ему ж, Никите, оными заводами владеть двадцать пять лет из оброку без перекупки». Список с этого указа в заводскую канцелярию представил сын Н.Г. Аристова Иван. Удаётся установить и точную дату пуска заводов: «Оные в работе железом быть стали в 201 году». Причём, поскольку поясняется, что «вышепомянутый Аристов и дьяк Борин оными заводами владели ноября по 1-е число [1]720 году двадцать восемь лет и два месяца», то,

¹⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. ... С. 90–105.

¹⁷ РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 279, л. 593–593 об.

¹⁸ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. С. 103–104.

¹⁹ Н.И. Павленко в этом предположении ссылается на рукопись И.И. Коган (*Павленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953. С. 58–59).

²⁰ Имеется в виду попытка Адмиралтейств-коллегии, предпринятая ещё в 1712 г., взять заводы в казну.

следовательно, пущены заводы были 1 сентября 1692 г.²¹ Это уточнение важно, поскольку до сих пор при решении вопроса о времени основания Боринского завода приходилось довольствоваться косвенными свидетельствами. В итоге в литературе это событие датировалось весьма расплывчато, от 1692–1693 гг.²² до 1694–1695 гг.²³ Отсутствие точной даты оставляло нерешённым вопрос о том, какое предприятие, Романовское (Боринское) на р. Белый Колодец или Тульский завод Н.А. Демидова, открывает список металлургических мануфактур России, основанных представителями непривилегированных сословий. Самая ранняя дата относит основание Тульского металлургического завода Демидова к 7203 г. (с 1 сентября 1694 г. по 31 августа 1695 г.)²⁴. И.Н. Юркин, автор многочисленных трудов по истории промышленной династии Демидовых, имея понятный, по его словам, соблазн отдать им пальму первенства, всё же признал отсутствие пока достаточных к тому оснований²⁵. В свете приведённых документов вопрос этот решается в пользу Аристова и Борина.

Обращает на себя внимание и тот факт, что «дьяк Борин» в числе организаторов завода впервые упоминается лишь с момента отсчёта урочных лет, в то время как его компаньон Н. Аристов ещё до получения царского указа уже владел в тех местах мельницами, переданными ему в оброчное владение из казны. Причём царским указом будущему промышленнику предоставлялась возможность самому решать, использовать ли для доменного производства уже имеющиеся мельничные плотины или «построить к железным заводам плотины и домны вновь».

Основание частного, а позднее и казённых металлургических заводов на территории Воронежско-Тамбовского края определялось наличием благоприятной сырьевой базы: здесь имелись залежи железной руды, обширные лесные массивы, развитая речная сеть и высокий уровень развития среди крестьянского и посадского населения железоделательных промыслов²⁶. Можно предположить, что именно торговый человек гостинной сотни Никита Аристов, записанный в привилегированную корпорацию из московских посадских людей в 1686 г., первым из будущего тандема романовских заводчиков стал присматриваться к перспективному в плане чугунолитейного и железоделательного производства району. Кузьма Борин, к тому времени уже давно принадлежавший к торговой элите, был ему, несомненно, полезен не только капиталами, но и своими служебными связями. Последние могли оказать помощь в организации более точной разведки рудных месторождений и определении качества пород.

О том, как организовывалась работа на заводах, каков был объём и характер производимой продукции, известно мало. Из документов Берг-коллегии следует, что железную руду копали на глубине 10–12 сажень в том же Романовском уезде за 10 вёрст от чугунолитейного завода. Для этого нанимали романовских

²¹ РГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 1, кн. 614, л. 9–10 об.

²² Павленко Н.И. Указ. соч. С. 58.

²³ Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947. С. 11, 158; Струмилин С.Г. Избранные произведения. История чёрной металлургии в СССР. М., 1967. С. 93.

²⁴ См.: Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. С. 52.

²⁵ Юркин И.Н. Тульский завод Демидовых (1695–1782): Из истории становления и развития доменной металлургии России. М., 1996. С. 14–15.

²⁶ Григорова В.А. Кустарные промыслы Черноземного Юга России и их роль в создании заводской металлургической базы. Середина XVII – середина XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 18–22.

«охочих разных жителей», которые за каждую тысячу пудов получали по 3 руб. 10 коп. и по 2 руб. за провоз²⁷. Эти данные свидетельствуют о близости завода к рудникам, что было важно, учитывая громоздкость и дороговизну перевозки рудных пород в объёме, необходимом для переплавки²⁸. Расположение завода отвечало и другим необходимым условиям – наличию древесного топлива и строительного леса, мелкой речки, пригодной для запруды, и близости к полноводной и судоходной реке.

По сведениям, приводимым Н.И. Павленко, первоначально продукция завода ориентировалась на внутренний рынок²⁹. Однако в период подготовки к Азовским походам её монопольными потребителями становятся казна, а затем и кумпанства, строившие флот. Так, в апреле–мае 1696 г. на военные нужды с завода было взято «железа дельного прутowego» 1 200 пудов, а в 1700 г. заказано 400 пушек³⁰. По тому времени это был крупный завод, имевший перспективы развития в виде сырьевой базы и гарантированных казённых заказов.

В 1701 г. Н.Г. Аристов развернул на заводе масштабные строительные работы, нацеленные на расширение производства. С 24 марта по 4 апреля 1701 г. он заключил 5 подрядов о найме крестьян и слободских жителей Москвы. Согласно подрядным записям, крестьяне (13 человек), происходившие из разных помещичьих деревень Галицкого уезда, должны были «делать на романовском его железном заводе плотину, и хоромы, и всякое плотнишное деревянное дело», «что ни заставит он, Никита», получая по 1.5 руб. в месяц. Посадским же тягльцам Москвы (10 человек) следовало работать «на железном заводе у земляного дела около прудовой плотины», беря ежемесячно по 40 алтын³¹. По наблюдению авторитетного знатока истории русской промышленности П.Г. Любомирова, плотина являлась самым сложным, трудным и дорогостоящим элементом заводского комплекса³². В данном случае, вероятно, речь шла об увеличении уже имевшейся на заводе плотины, с тем чтобы, повысив уровень воды в заводском пруду, можно было увеличить мощность вододействующих механизмов – доменных и молотовых мехов. 28 апреля Н.Г. Аристов оформил в Москве ещё один подряд с крестьянином костромской вотчины боярина А.П. Салтыкова о производстве «в Романове на железном заводе» 100 тыс. кирпичей и их обжиге своими работными людьми, получая за каждую тысячу по 22 алтына 4 деньги (70 коп.)³³. Если это был особый огнеупорный кирпич, который только и годился для кладки доменных горнов и плавильных печей, то, возможно, речь шла о постройке ещё одной домны.

Весьма примечательно, что все подрядные записи составлены на имя Н.Г. Аристова. Именно он нанимал работников, определял объём и характер работ, а также следил за ходом их выполнения на заводе. Его компаньон К.С. Борин, связанный служебными обязанностями (в то время в Приказе рудных дел), не мог непосредственно участвовать в этом процессе. Однако,

²⁷ РГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 1, кн. 614, л. 6.

²⁸ Для обеспечения литейного производства сырьём в сотни тысяч пудов требовались многие тысячи подвод. Соответствующие расчёты см.: *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. М., 1947. С. 302–303.

²⁹ *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 59.

³⁰ *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 295.

³¹ *Николаева М.В.* Частное строительство в Москве и Подмоскowie. Первая четверть XVIII в. Подрядные записи. Т. I. М., 2004. № 40, 45, 48, 60, 69.

³² *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 313.

³³ *Николаева М.В.* Указ. соч. № 86.

будучи в Москве, Борин брал на себя заботы другого рода. В то же самое время, что и Аристов, а именно 3 апреля и 7 мая 1701 г., он заключил два договора с каменных дел подрядчиками, крестьянами Костромского уезда (6 человек), о постройке ими в глубине его двора, помимо уже имевшихся, ещё одних каменных палат, а также двух палат на дворе купца гостиной сотни Н. Аристова³⁴. Этот факт свидетельствует о том, что материальное положение заводчиков было вполне благополучным и позволяло им одновременно с производственными затратами вкладывать средства в обустройство своей домашней жизни. Продуманное распределение обязанностей и, разумеется, взаимное доверие также можно отметить в качестве дополнительных штрихов характеристики их совместной предпринимательской деятельности.

Судя по всему, ни Боринские заводы, ни казённые Липский (Липецкий) и Кузминский, построенные по соседству на притоках р. Воронеж Липеце и Кузминке в 1703–1704 гг. для снабжения Азовского флота и южных крепостей пушками, ружьями и якорями, а также различными железными припасами, не испытывали недостатка в руде, мастерах и работниках. Тем не менее уже в 1712 г. была предпринята первая попытка отобрать заводы Аристова–Борина в казну. Инициатива исходила от Адмиралтейства, которое после утраты Россией Азова стало основным потребителем продукции казённых Липецких заводов. Указом из Адмиралтейства Романовский завод был описан, и велено после оценки выдать деньги владельцам, «а заводу быть за государем в казне». Однако тогда начатый процесс остался не завершён.

Вновь вопрос о судьбе завода встал в марте 1721 г., когда обер-фискал А.Я. Нестеров обратился с доношением в Берг-коллегию. В нём он выражал беспокойство, «чтоб оной завод без призрения чьим расхищением был не утрачен», и предложил отписать его в казну или передать тем, кто пожелает взять «из наддачи... с платежом железа и прочего». В то время производство завода ориентировалось на потребности внутреннего рынка. Его продукция, железо и чугунные котлы, беспошлинно продавалась в Москве и в других городах: «Железо ценою и с провозом по тринадцати алтын по две деньги пуд, котлы по той же цене пуд без провозу»³⁵. Доводы обер-фискала сводились к следующему. Во-первых, смерть как основателей завода, Борина и Аристова, так и их наследников мужского и женского пола, в частности дьяка Якова Кузьмича Борина, владевшего заводом после своего отца. «А у Якова Борина, – читаем в доношении, – остались только мать, и та в престарелых летах, и жена в болезнях, и управить им того заводу не можно». Во-вторых, окончание урочных лет, на которые под строительство заводов Борину и Аристову была передана дворцовая земля с угодьями³⁶. На самом деле, как признала и Адмиралтейств-коллегия, на 23 апреля 1721 г. «число урочных лет не вышло год и пять месяцев». Тем не менее 15 мая, т.е. спустя три недели, Адмиралтейств-коллегия, вновь сославшись на урочный характер владения построенными Бориним и Аристовым заводами, приговорила приписать их к Липецким и Кузминским заводам³⁷. Причём на этот раз об отсутствии наследников у первых владельцев предприятий как о причине их взятия в казну речь уже не шла, хотя именно

³⁴ Там же. № 67, 93.

³⁵ РГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. 1, кн. 614, л. 6 об.

³⁶ Там же, л. 5–5 об.

³⁷ Там же, л. 9–10 об.

на этот субъективный фактор в становлении династии промышленников стоит обратить особое внимание.

К сожалению, приходится признать практически полное отсутствие в научной литературе сведений биографического характера как относительно основателей завода Н.Г. Аристова и К.С. Борина, так и их потомков. То, чем располагают исследователи на сегодняшний день, исчерпывается отдельными данными о служебной карьере и торговой деятельности Кузмы, Ивана и Якова Бориных. Не известен ни состав их семей, ни даты жизни первого поколения владельцев Романовского завода. Е.И. Заозерская писала, что завод был взят в казну в конце 1720 г., а Н.И. Павленко – в 1721 г., и оба связывали этот факт со смертью его основателей³⁸. К тому времени, действительно, ни К.С. Борина, ни Н.Г. Аристова уже не было в живых. Но произошло это значительно раньше. Сведения о К.С. Борине обрываются в начале XVIII в. Имеется известие о начатом им в 1701 г. в Москве у церкви Космы и Дамиана в Кадашеве строительстве двух каменных богаделен³⁹ и о возведении каменных палат в его и Н.Г. Аристова дворах. В самом начале 1703 г. (21 января) он, а также тяглец Семёновской слободы Григорий Фёдоров сын Мокеев составили сговорную роспись на их двоюродную сестру вдову Марью Васильеву в замужество за кадашевца Прокопия Парфеньева сына Ерина⁴⁰. Ещё раз имя К.С. Борина за тот же 1703 г. встречается в духовной гостя Ивана Матвеевича Сверчкова, составленной им накануне смерти 29 мая. Этот крупный и известный гость включил его в состав своих душеприказчиков наряду с Ф.М. Апраксиным, тогда комнатным стольником, и думными дьяками А.И. Ивановым и Л.А. Домниным. Свидетелями же духовной Сверчкова выступали входившие в купеческую элиту России гости М. Шорин, А.О. и В.О. Филатьевы, И. Климшин, В. Грудцын, а также два приказных служителя: дьяк И. Ушаков и Оружейной палаты надсмотрщик А. Гурьев⁴¹. Несомненно, все эти лица тесно общались между собой.

Других, более поздних свидетельств о К.С. Борине не обнаружено. В сохранившихся боярских списках 1703–1713 гг., содержащих перечень лиц, состоявших в думных и московских чинах, включая дьяков, он не значится, хотя его сын Яков, тоже дьяк, упоминается регулярно⁴². У него, как уже отмечено выше, имелся брат Иван и сын Матвей. Иван Семёнович скончался не позднее 1702 г., так как в источниках этого года упоминается его вдова. Сведения о М.К. Борине как о купце гостиной сотни встречаются до 1710 г., а в окладных книгах 1713 г. он числится умершим⁴³. Кроме Матвея у К.С. Борина и его жены Анастасии Степановны был сын Яков и две дочери – Агафья и Прасковья. О жене и замужних дочерях говорится в духовной Я.К. Борина, составленной 27 октября 1720 г.⁴⁴ Родовая принадлежность и годы жизни Анастасии Степановны не известны, но очевидно, что она пережила не только мужа, но и двоих сыновей. Старший сын Яков умер вскоре после написания духовной,

³⁸ Заозерская Е.И. Указ. соч. С. 13; Павленко Н.И. Указ. соч. С. 59.

³⁹ Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010. С. 307.

⁴⁰ РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. 1, д. 541, л. 53.

⁴¹ Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., введ. ст. и коммент. Н.В. Козловой. М., 2002. С. 71–72.

⁴² Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» / Отв. ред. А.В. Захаров (URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl>).

⁴³ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. С. 369.

⁴⁴ РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. 1, д. 545, л. 187 об.–189 об.

но не позднее марта 1721 г., когда начался процесс отписки его завода в казну. Именно матери Я.К. Борин завещал загородный двор, расположенный на берегу р. Москвы напротив Симонова монастыря, а также всё движимое имение («жемчужное всякое низанье и серебряную посуду»), оставшееся у неё после смерти мужа Кузьмы Семёновича.

Я.К. Борин был приметной фигурой в приказной администрации первой четверти XVIII в. Достигнутое отцом положение сразу открыло ему путь к службе в московских чинах, причём в высшей их категории стольников. При всех изменениях, которые к тому времени претерпел процесс чиновничества, всё же это был особый случай. Правда, начиная с 1694 г., в дальнейшем Яков Кузьмич неизменно жаловался лишь чином дьяка⁴⁵. Служил в Золотой Палате, в Приказе воинских морских дел, образованном в конце 1698 г., затем осуществлял контроль за денежным делом на Кадашевском монетном дворе (1701–1706), состоявшем, как и другие дворы, в ведении Приказа Большой казны⁴⁶. Известно также, что в мае 1715 г. Я. Борин состоял дьяком в Адмиралтейской канцелярии, находившейся в Москве, но вполне вероятно, что переведён в неё он был раньше⁴⁷. Возможно, связи в адмиралтейском ведомстве и помогли ему «отбиться» от поползновений на его завод в 1712 г.

Где проходила дальнейшая служба и каков был оклад Я.К. Борина, неизвестно. Несомненно, что достигнутое им к концу жизни весьма значительное состояние обеспечивалось не только получаемым жалованьем. Как представляется, владение заводом вторым поколением его основателей какое-то время приносило прибыль, позволявшую приобретать вотчины и иметь денежные накопления. Но и на поддержание производства на должном уровне нужны были средства, которых, особенно свободных, не всегда хватало. Приходилось брать в долг и даже продавать недвижимость. В своей духовной Я. Борин сообщает о вырученных от продажи дмитровской и володимерской вотчин 3 600 руб. Из них «послано на железные заводы на починку плотины и прочего всего заводу пятьсот рублей» и заплачено частных долгов на сумму 2 050 руб. В числе кредиторов дьяка упоминаются обер-фискал А.Я. Нестеров, жена иноземца П. Тона Е. Яковлева, кадашевец П. Мартынов. На оставшиеся от продажи вотчин деньги Борин купил у того же А.Я. Нестерова деревню Внуково стоимостью в 300 руб., истратив на строительство и благоустройство усадьбы («на строение хором, и пруда, и на расчистку леса») ещё 250 руб. Однако вложенные в имение средства пропали, так как «та деревня по указу от него отошла». Причину этого установить пока не удалось. В итоге для поддержания хозяйства, «на домовые издержки и людям на жалованье» пришлось продавать приданое жены: «из жемчужного... низанья и алмазных вещей»⁴⁸.

Ещё одним источником дохода оставалась торговля. В частности, в духовной Я.К. Борин упоминает о вырученных от продажи паюсной икры 600 руб. Сохранялись у него и лавки, в том числе в престижном районе Москвы Китай-городе. Одну из них уже после смерти мужа в 1722 г. его вдова Ф. Фёдорова, к тому времени бывшая замужем за капитаном Астраханского гарнизонного

⁴⁵ См.: Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700)... С. 82; Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века».

⁴⁶ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 17.

⁴⁷ РГАДА, ф. 248, кн. 647, л. 795 об. Автор выражает признательность Д.О. Серову за указание на содержащиеся в сенатской справке сведения относительно Я.К. Борина.

⁴⁸ Там же, ф. 282, оп. 1, ч. 1, д. 545, л. 188–188 об.

полка Никитой Дмитриевым сыном Полтевым, продала гостиной сотни М.Г. Евреину за 400 руб.⁴⁹ Впечатляет цена, а следовательно, и размер лавки.

И всё равно средств не хватало, так что к концу жизни у Я.К. Борина оставались обязательства по заёмным, как, впрочем, и по кредитным выплатам. Их окончательный расчёт после своей смерти дьяк возложил на жену Ф. Нестерову. Для этого ей полагалось продать имеющееся у Борина на заводе железо, «кроме Аристова», 3 тыс. пудов. Подобная практика при отсутствии сыновей адресовать в завещаниях жёнам различные деловые распоряжения была обычной в предпринимательской среде⁵⁰. Ф. Нестерову Я. Борин включил и в число душеприказчиков, которым «приказал душу свою строить и поминать и во всем исправлять». Несомненно, жена была действительно близким Якову Кузьмичу человеком. На неё он мог положиться во всём, как в хозяйственных вопросах, так и при «устроении» своей души.

Свои деловые качества она в какой-то мере могла унаследовать от отца, дьяка Фёдора Михайлова сына Нестерова. При царе Алексее Михайловиче он входил в состав администрации Приказа тайных дел, дьяки которого занимали особое положение в государственном управлении и в учётных списках Разряда писались сразу после думных дьяков, предшествуя группе московских служилых людей, завершавшейся приказными дьяками⁵¹. В духовной, составленной незадолго до смерти в январе 1713 г. («а сам руки своей за великою своею болезнию приложить не смог»), Ф.М. Нестеров назначил своими душеприказчиками зятя Якова Борина, дочь Феодосию и жену Авдотью Петрову, поручив им поминать свою душу и похоронить его у церкви Иоанна Богослова, что в Бронной. Обладая вполне приличным состоянием, о чём свидетельствуют имевшиеся у него восемь каменных лавок, в которых велась торговля с помощью сидельцев, а также разнообразная серебряная посуда, он не оставил наличных денег, а потому на поминование души и погребение тела деньги следовало занять, «сколько пристойно», а долг выплатить из «полавочных» денег, т.е. доходов, получаемых от лавочной торговли. Все эти операции, возлагаемые на душеприказчиков, конечно, были им не в новинку. Лавки и всё движимое имущество Нестеров оставлял в пользование жене, а после её смерти оно переходило к сыну Гавриле, который, видимо, ещё был малолетним, так как заботу о нём должна была взять на себя его мать⁵².

В отличие от тестя, после кончины которого оставался сын, у Якова Борина сыновей вовсе не было, а единственная дочь Екатерина давно умерла. В своё время отец выдал её замуж за П.И. Клементьева, наградив «приданым немалым»: «жемчужного низанья, и алмазных вещей, и серебряной посуды». После смерти жены Клементьев женился на некоей Фетинье Максимовой, служил солдатом в дивизии генерала князя М.М. Голицына и в 1714 г. умер. Эти подробности удалось узнать из записи рядной школьника Андрея Петрова сына Клементьева, данной им своему деду и крёстному отцу дьяку Я.К. Борину 17 июня 1720 г. Судя по содержанию, эта рядная составлялась для того, чтобы

⁴⁹ Москва. Актовые книги XVIII столетия. Т. 3. М., 1895. С. 180. Автор благодарит Д.О. Серова, указавшего на запись этой купчей.

⁵⁰ См.: Козлова Н.В. Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность купеческих жён и вдов Москвы в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. ... С. 140–142.

⁵¹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. ... С. 81.

⁵² РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. 1, д. 624, л. 562 об.–563 об.

закрепить отказ внука от каких бы то ни было претензий на наследство деда в случае его смерти.

В рядной читаем: «И ежели волею Божию его, деда моего Якова Казмича, вживе не станет, и после себя он, дед мой, Яков Казмич, приказать мне, Андрею, ничего не изволит, и о том да будет воля его, и после его оставшее как в движимое, так и в недвижимое его, деда моего, пожиток ни в какой мне, Андрею, не вступатца ни по какому образу»⁵³.

Действительно, составленным спустя четыре месяца завещанием Я. Борин оставил свой московский двор «с каменным и со всяким строением, что в Кадашеве», жене Ф. Нестеровой. При этом он особо отметил, что тот двор передаётся в зачёт причитавшейся ей по закону четвертой доли «изо всех пожитков движимых и недвижимых». Строго говоря, за отсутствием у Якова Кузьмича прямых наследников и в условиях действия ограничительных статей указа о единомасштабности 1714 г., его внук Андрей мог претендовать на всю недвижимость деда и по закону оспорить его завещание. Заблаговременно оформленная рядная от имени внука как раз и должна была защитить наследство жены. В рядной, скорее всего, по подсказке Борина Андрей не только подчеркнул, что взял у Якова Кузьмича «свое все сполна», но и подробно прописал все полученные от деда благодеяния. Для отрока, потерявшего обоих родителей и находившегося «не в совершенных летах», забота и опека со стороны деда была без преувеличения бесценна. Это понимал и Андрей, о чём свидетельствуют фразы типа: «за что должен всегда благодарить в том Бога», «за что истинно благодарен вечно». После смерти отца Андрей жил со своими людьми в доме Якова Борина, видимо, в тех «палатах», что выстроил ещё Кузьма Семёнович. «Пили и ели вместе по родству» из припасов, что поставлялись из боринских деревень и тех, что достались Андрею от отца. Заботился дед и об образовании внука, платя за «учение немецкого языка и русского и от учения письма». Особо признателен Андрей был деду за устройство и обеспечение его имущественных интересов. Яков Кузьмич не только взял на себя хлопоты по выделению мачехе Андрея вдове Ф. Максимовой четвертой доли наследства умершего мужа, но и выступил поручителем в выполнении всех условий раздела. Судя по глухим упоминаниям, Я. Борин выплачивал ей «деньги немалые», для чего брал кредиты и даже распродал платье давно умершей матери Андрея, своей дочери Екатерины. Закрепив за внуком недвижимость, дед приложил старание к обустройству его имения: «в деревнях моих построил пруд и прочее строение», определив над ними «смотрение верное».

Кроме наследства отца А. Клементьеву перешло «немалое» приданое матери, а также приданое его двоюродных бабок Агафьи и Прасковьи Кузьминичных, полученное ими от их отца Кузьмы Семёновича. Словом, Яков Борин с полным основанием мог в своей духовной прописать: «А внуку... Андрею Петрову сыну Клементьеву до... (его. – Н.К.) имения, как до движимого, так и до недвижимого и ни до чего дела нет,... для того, что он... награждён со многим и с довольством»⁵⁴.

За всеми распоряжениями хозяйственного и имущественного характера, направленными на обустройство земных дел, не были забыты и заботы по устройению собственной души. На эти цели дьяк Я.К. Борин предназначил 500 руб. наличных денег, а также те средства, что после его смерти могли быть выручены от продажи оставшегося платья и всякой «рухляди»: зеркал, медной

⁵³ Там же, д. 545, ч. 3, л. 849–849 об.

⁵⁴ РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. 1, д. 545, л. 187 об.–189 об.

и оловянной посуды и проч. Обычно свободных денег у представителей предпринимательской среды не было, и когда в завещаниях они прописывали траты на погребение и на поминавание души, то обозначали и те источники, из которых следовало получить требуемые суммы. Это могли быть заёмные деньги, как в случае с дьяком Ф.М. Нестеровым, или, что случалось чаще, вырученные от продажи движимого и недвижимого имущества, включая дворы и лавки. Пример же Якова Кузьмича, имевшего наготове похоронные и «поминальные» деньги, достаточно редкий. Примечательно и то, что вся сумма предназначалась исключительно на поминальные службы, в то время как о раздачах милостыни нищим или по тюрьмам, о прощении некоторых долгов, что также было характерно для практики «устроения души», ничего не говорится. Погребение в присутствии архиерея с архимандритом или с игуменом и со священниками от десяти церквей виделось Я.Б. Борину не только торжественным, но и пышным. Поминальные по нему службы предписывалось проводить, как обычно, на третий, девятый, двадцатый и сороковой день с участием архимандритов разных монастырей. Сорокоуст («с ладаном и с вином церковным») требовалось заказать в 100 церквях, раздав в каждую из них по два рубля, «и тех священников... всех накормить».

И последнее. Говоря об иконах, Яков Кузьмич не благословляет конкретным образом то или иное лицо, а, определив матери и жене по четвёртой доле, позволяет каждой из них взять ту, что захочет. Из другой же половины по одной иконе «из лучших окладов» могли выбрать душеприказчики «в поминавание» о нём. Остальные же следовало раздать родственникам и «челядникам». Любопытна ремарка об окладах как мериле ценности передаваемого поминального образа. В ней, как и во всех обстоятельных и точных указаниях духовной, чувствуется присущий дьяку прагматизм.

В целом духовная Я.К. Борина в сочетании с рядной его внука позволяет в какой-то степени приоткрыть завесу, до сих пор плотно закрывавшую частную, в том числе семейную жизнь, этого, несомненно, одарённого представителя государственного аппарата России и предпринимателя петровского времени. Причём заметно, что интересы и заботы его больше тяготеют к обустройству дел личных и семейных, чем к производственной сфере.

Если о К.С. Борине и его потомках удалось найти хотя бы отрывочные сведения, то фигура второго организатора и владельца металлургического завода в Тамбовско-Воронежском районе Н.Г. Аристова, как и личности его наследников, по-прежнему обрисовываются с трудом. Имеются лишь упоминания об Н.Г. Аристове как о лице, состоявшем в гостинной сотне в 1686–1713 гг.⁵⁵

Что касается его семьи и наличия сыновей, которые могли бы продолжить начатое им с Бориным производство, то о них также известно немного. В 1703 г. Н.Г. Аристов составил рядную с пасынком – муромским посадским человеком Фёдором Семёновым сыном Вяльцовым, о передаче ему имущества его умершей матери Гликерии Родионовой: «иконы, и платье, и серебряную кузнь, и жемчужную рухлядь за износом все сполна»⁵⁶. Тем самым удаётся узнать имя жены Никиты Григорьевича и фамилию её первого мужа. У Аристова был и родной сын Иван Никитич. Его год рождения, 1677-й, высчитывается на основании данных Переписной книги Москвы 1725 г. Тогда ему, состоявшему в гостинной сотне, было 48 лет, а его сыну Петру 4 недели. К началу переписи 1747 г. И.Н. Аристову исполнилось 70 лет. Расчёт лет, обозначенных в обеих

⁵⁵ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России. С. 369.

⁵⁶ РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. 1, д. 795, л. 329 об.

переписях, указывает на 1677 г. как дату его рождения. Ни сын Пётр, упомянутый в переписных книгах первой ревизии, ни другие сыновья, возможно, рождавшиеся позднее, в книгах 1747 г. не значатся⁵⁷. По сведениям Н.Б. Голиковой, Иван Аристов записан в гостиную сотню в 1702 г. и упоминался в ней до 1718 г.⁵⁸ На самом деле сведения о нём встречаются не только до конца существования сотни как особой окладной единицы, но и вплоть до второй ревизии, когда фиксация принадлежности к гостинной сотне имела формальный характер, и на всех купцов распространялся общепосадский 40-алтынный оклад.

Как уже упоминалось, И.Н. Аристов в декабре 1720 г. по запросу Адмиралтейств-коллегии представил в Канцелярию липецких заводов список с указа 1690 г., выданный его отцу, о строительстве и условиях владения заводом. Этот факт и ещё более важное упоминание Я.К. Бориним в духовной 1720 г. «Аристова» железа указывают на то, что и после смерти основателей предприятия их сыновья совместно продолжали начатое отцами производство.

Кто играл в этом сообществе ведущую роль, окончательно определить не удаётся. Грамота на строительство завода была выдана Н.Г. Аристову. Он же в дальнейшем принимал непосредственное участие в производственных делах предприятия. Между тем в сочинении И.К. Кирилова и во всей исследовательской литературе завод обозначается как «Боринский». Только Я.К. Борина из владельцев завода второго поколения называет обер-фискал А. Нестеров в доношении в Берг-коллегию: «дьяк Борин и Никита Аристов, заветчи железной завод, как сами, так по ним и дети их, дьяк же Яков Борин, владели немалые годы и получали себе прибыли». И далее, говоря о смерти Кузьмы Борина и Никиты Аристова, «а по ним и детей их» (на самом деле Иван Аристов был жив), и отсутствии наследников (у Я.К. Борина был внук), вновь отмечает только мать «в престарелых летах» и жену «в болезнях» Якова Борина. Напомню, что А.Я. Нестеров и Я.К. Борин были лично знакомы, их связывали деловые, а возможно, и приятельские отношения. Первые отразились в духовной дьяка, а о вторых можно предполагать, встречая их имена среди душеприказчиков и свидетелей завещаний одних и тех же лиц⁵⁹. Складывается впечатление, что в административных кругах, особенно после кончины Н.Г. Аристова, Романовское предприятие ассоциировалось именно с Бориним, фамилия которого по-прежнему была на слуху, благодаря дьячеству Якова Кузьмича. Его смерть решила судьбу завода. Примечательно, что он сам в своей духовной вовсе не затрагивал вопрос преемственности владения их с Аристовым предприятием, скорее всего, предвидя его отписку в казну после своей смерти. Его внук Андрей Клементьев («школьник») и Иван Никитич Аристов ни по своим склонностям и качествам, ни по наличию капиталов, видимо, не могли продолжить дело. К тому же близкое соседство с более крупными казёнными чугунолитейным и молотовыми заводами, использовавшими те же залежи железных руд, лишало частное производство перспективы развития. Да и казна в лице Адмиралтейства была настроена решительно и вовсе не рассматривала альтернативные варианты. В итоге, завершив свою самостоятельную историю, завод на речке Белый Колодец вошел в комплекс казённых металлургических предприятий Липецкого района. Истоки же его создания восходят к инициативе, трудам и капиталам гостинной сотни Никиты Григорьевича Аристова и дьяка Кузьмы Семёновича Борина.

⁵⁷ Материалы для истории Московского купечества. Т. 1. М., 1883. С. 2.

⁵⁸ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России. С. 410.

⁵⁹ РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. 2, д. 1974, л. 1 об.–2 об.; оп. 1, ч. 1, д. 877, л. 694–694 об.